

Н. Н. Евреинов

"Ревизор"

Режиссерская буффонада в 5-ти "построениях" одного отрывка

Русская театральная пародия XIX - начала XX века
М., "Искусство", 1976

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Городничий.
Ляпкин-Тяпкин.
Земляника.
Гибнер.
Хлопов.
Анна Андреевна.
Марья Антоновна.
Свистунов.
Держиморда.
Смех.
Сатира.
Юмор.

Чиновник особых поручений при дирекции "Кривого Зеркала" (*появляется перед занавесом*).

Милостивые государыни и милостивые государи!.. по недосмотру типографии в программах не оговорено, что сегодняшнее представление "Ревизора" есть не что иное, как конкурсное выступление режиссеров, приглашенных дирекцией на гастроли.

М. г., кризис театра есть явление, которое наблюдается не со вчерашнего дня; общий голос -- нет пьес... Советуют обращаться к классическому репертуару. Но хватит ли ограниченного количества классических пьес на все театры и на все нужды репертуара?.. И вот "Кривое Зеркало", поставившее себе целью способствовать всеми мерами успехам театра, решает на опыт, который, надеется, не пройдет бесследно; именно: оно намерено упереть число классических пьес, ставя их в пяти различных интерпретациях таким образом, чтобы из каждой пьесы получилось пять разных пьес.

Умалчиваю об именах приглашенных с этой целью режиссеров, для того чтобы побудить собравшуюся публику к вполне беспристрастному суждению об их творческой работе. Дело не в именах, конечно, а в соревновании разных методов постановки, резко отличающихся друг от друга и в то же время сходных в одном, самом важном отношении: -- *произведение автора становится одинаково неузнаваемым при всех этих методах.*

Таким образом, если предлагаемый почтенной публике опыт удастся, -- что вы засвидетельствуете своими аплодисментами, -- мы можем получить пять "Ревизоров", пять "Горе от ума", пять "Свадеб Кречинского", пять "Гроз" и т. д. Не

затрудняя вас цифрами, могу заметить, что, по приблизительному подсчету, в распоряжении русского театра окажется сто двадцать вполне самостоятельных, классических произведений пяти Гоголей, пяти Островских, пяти Грибоедовых, пяти Сухово-Кобылиных и десяти Толстых: пяти Львов и пяти Алексеев. И весь этот урожай классических произведений будет собран через посредство талантливой и вдумчивой режиссуры.

Для того чтобы засвидетельствовать перед почтеннейшей публикой, что сейчас на сцене действительно будут представлены отрывки "Ревизора", а не какой-нибудь другой пьесы, ничего общего с "Ревизором" не имеющей, -- сначала мы представим "Ревизора" в том виде, в каком он разыгрывался до кризиса современного театра. После этого публике будет вполне ясно, сколь далеко шагнула современная режиссура и сколь далеко она еще может шагнуть, если, разумеется, ее не остановить.

Что касается следующих постановок, то, ради облегчения публике восприятия происходящего на сцене, я, согласно поручению дирекции, приведу перед каждой новой постановкой в сжатом виде те данные, какие положены режиссером в основание своего построения.

Итак, в первую очередь обыкновенная постановка, не требующая толкований и не нуждающаяся в комментариях.

I

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА

Желтая комната с дверью посредине, окном налево и дверью направо. Сверху голубые дуги с нарисованными подборками. Все действующие лица первой сцены "Ревизора" сидят на стульях около рампы; посредине Городничий. Одеты обыкновенно, хотя чуть-чуть костюмированно; парики немного грубоваты и нарочны, но играют хорошо, "подавая" текст, отнюдь не оборачиваясь спиной к публике, без "пауз настроения"* и прочих модернизмов.*

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали -- и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: "Любезный друг, кум и благодетель (бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)... и уведомить тебя". А! вот: "Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (значительно поднимает палец вверх). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки,

потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки..." (*остановясь*) ну, здесь свои... "то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...". Ну, тут уж пошли дела семейные: "...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке..." -- и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

.....

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил...

Секундная темнота.

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А все ты, а все за тобой. И пошла копать: "Я булавочку, я косынку". (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос Городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости -- после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: "Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас". Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно, через два часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?... Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, все женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас!

.....

Слышишь?.. Скорее, скорее, скорее, скорее! (*Кричит до тех пор, пока не опускается занавес и не закрывает их обеих, стоящих у окна*, высунувшись очень "условно", дабы, не повредить декорации, не претендующей на прочность.*)

Чиновник особых поручений при дирекции "Кривого Зеркала" (*появившись перед занавесом*). Следующая постановка тех же самых отрывков принадлежит режиссеру школы Станиславского... Но сначала несколько биографических сведений о режиссере-гастролере.

Он -- уроженец Ярославской губернии. Окончил агрономическое училище и занялся специально древонасаждением, между прочим прививкой редких пород яблок, как, например: золотое семечко. Но вот однажды, сидя на берегу Волги, где привык он думать думу-думушку, услышал он чудную песню соловья. Его что-то словно толкнуло в ретивое, и с тех пор молодой человек утратил все свое спокойствие. Забросив все сельскохозяйственные дела, сдав в аренду кирпичный завод и винокурню, наш будущий режиссер отправляется в Москву и становится прилежнейшим учеником великого магистра. Сначала он присматривается, потом изучает, затем творит и все время благоговеет. Год и шесть месяцев он изучает настроение, два года -- театр, как жизнь, по ночам работает над паузами. Его диссертация, посвященная Станиславскому, носит название: "Полупауза и пауза настроения". Ее тезис -- "квадрат настроения обратно пропорционален расстоянию театра от жизни".

Будучи рукоположен в прошлом году Московским высокохудожественным театром в звание режиссера, наш молодой ученый с великой готовностью откликнулся на наше предложение.

Как всем известно, высокохудожественные постановки Московского Художественного театра отличаются, во-первых, тем, что все происходит, как в жизни, а во-вторых, тем, что все происходит не как в жизни, а в "настроении".

Наш режиссер прежде всего, естественно, установил место действия "Ревизора". "От нашего города хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь", -- говорит Городничий. Однако из сближения с биографией Гоголя и "Вечерами на хуторе близ Диканьки" можно с большой вероятностью сказать, что действие происходит в городе Миргороде, Полтавской губернии. Город Миргород в настоящее время имеет десять тысяч жителей, два салотопенных, один кожевенный и один махорочный завод. Съездив в Миргород и изучив историю города по архивам, наш режиссер точно установил дом, где в указанное время жил Городничий. Махорочный завод, существовавший в то время, был по левую сторону от дома Городничего, направо же был ларек, на котором продавал бублики кривой Яхим. Одновременно установлен и характер местного русского говора, каким объяснялись действующие лица, хотя и великорусского большей частью происхождения, но уже акклиматизировавшиеся в Украине.

Что касается "настроения", которым должна быть проникнута жизнь в доме Городничего, то указания на таковое режиссер основывает на словах Земляники: "Вот не было заботы, так подай"... Ввиду этого действие представляет сначала беззаботную жизнь просыпающегося города, тихого и почти лишенного промышленности, если не считать упомянутого выше махорочного завода. Но постепенно возникает "настроение" подавленного душевного состояния в ожидании исхода внезапной ревизии.

Величайшая тщательность сопровождает обстановку*. Все характерные детали невозможно перечислить. Вы сами их увидите. Укажу, для примера некоторые: так, Анна Андреевна, воспитанная, по ремарке автора, "на альбомах", появляется со старым альбомом в руках, Земляника, про которого сказано, что он "совершенная свинья в ермолке", появляется в самом деле в ермолке, Тяпкин-Ляпкин, берущий взятки щенками и собирающийся потчевать Городничего "родной сестрой тому

кобелю, которого знает Сквозник-Дмухановский", появляется действительно с собаками, и т. д.

Какая погода была в день свидания Городничего с Хлестаковым, режиссеру не удалось точно выяснить. Однако, если припомнить из "Ревизора", что "гарниза гуляла по улицам в мундире", а "под мундиром ничего", то можно предположить теплый, безоблачный день. В конце же допущен мелкий дождик, как последний художественный штрих, для создания безысходно-тоскливого настроения, согласно высокохудожественным традициям пьес с настроением вообще. (Уходит.)

Поднимается занавес

II

ЖИЗНЕННАЯ ПОСТАНОВКА В ДУХЕ СТАНИСЛАВСКОГО

При поднятии занавеса на сцене почти абсолютная темнота. Где-то хрипло и торопливо играют старые куранты. Когда начинает рассветать, глазам представляется очень жилая комната с двумя окнами в задней стене, через которые виден двор, забор и церковь вдали. Посреди комнаты большой стол со жбаном кваса, окруженный стульями, перед которым, у авансцены, спиной к публике, диван. У правой стены большой шкаф; направо в углу небольшой письменный стол с чернильницей и проч. На окнах горшки с цветами и канарейка; на стенах портреты, зеркала, часы и две трубки; в простенках между окнами этажерка и полочки. Вся комната представляет собою почти сплошь загроможденное пространство. Двери направо и налево. Слышно пение петуха, потом мычание коров и ржание лошадей. Кто-то торопливо, по-видимому босиком, пробегает через двор, после чего раздается громкий лай проснувшихся дворняжек. Снова бьют часы. Босоногая девка в высоко подоткнутом затрапезном сарафане осторожно пронесет через комнату ночной горшок, полуприкрыв его фартуком. Комната заливаема лучами восходящего солнца. Где-то вдали раздаются веселые звуки пастушеского рожка. Слышно, как с мычанием проходит целое стадо коров.

Городничий заспанный, в одном нижнем белье украинского покроя, входит, шатаясь, справа и открывает окно, отчего звуки просыпающегося города становятся явственнее. Проезжает таратайка с колокольчиком. Городничий подносит жбан кваса к губам и, жадно напившись, кряхтит, фыркает, бьет туфлей одолевающих его мух, потягивается, откашливается, сплевывает на улицу и уходит направо, после чего туда же пробегает помянутая крепостная девка с кувшином воды, а на дворе парень из местной гарнизы начинает подметать, поднимая невероятные клубы пыли. Снова входит Городничий, уже умытый, причесанный, в халате, с письмом Чмыхова в руках. Он его перечитывает, качает головой и степенно усаживается за письменный стол в углу, отвечать. Слышно, как скрипит гусиное перо и пыхтят легкие Городничего. Снова бьют часы. Входит Христиан Иванович с бутылкой какого-то лекарства, произносит звук "э" и усаживается в сторонке. Через секунду-две после Христиана Ивановича входит Ляпкин-Тяпкин с двумя лающими породистыми щенками на своре, с аrapником, которым он то и дело помахивает в воздухе. Здороваётся с Городничим в момент, когда тот хлопает в ладоши, зовя девуку. Девка прибегает и останавливается около Городничего; он показывает ей сургуч, после чего она убегает. Входят

одновременно Земляника, в ермолке, и Лука Лукич; у последнего под мышкой две книги. Все действующие лица должны быть одеты так, чтобы публика сразу же почувствовала за сценой прилежную руку костюмера-археолога. Рассаживаются кто где, большей частью спиной к публике. Толстяк Земляника отдувается квасом.

Городничий (здороваясь, сидя, с Земляником и Лукой Лукичем, говорит с украинским акцентом, не громко и не тихо, а так, как в жизни). Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие.

Через комнату, кивая приветливо гостям головой, проходит Анна Андреевна с целой связкой гремящих ключей.

(После паузы.) К нам едет ревизор. (Дописывает письмо.)

Ляпкин-Тяпкин. Как ревизор? *(Цыкает на щенков и хлопает арапником.)*

Земляника *(отвернувшись от кваса, рыгает).* Как ревизор? *(Снова рыгает.)*

Городничий *(всовывает письмо в конверт и надписывает адрес).* Ревизор из Петербурга... инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Входит девка с зажженной свечой. Городничий греет на свече сургуч и запечатывает письмо.

Ляпкин-Тяпкин. Вот те на!..

Земляника. Вот не было заботы... так подай...

Лука Лукич. Госсподи боже... Еще и с секретным предписанием. *(Цыкает на щенков.)*

Городничий *(все еще запечатывая письмо).* Я как будто предчувствовал...

Входит Степан Ильич и со всеми здоровается.

Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины... *(Передает запечатанный конверт девке и показывает ей на трубку.)*

Девка уходит.

Пришли, понюхали и пошли прочь.

Порыв ветра вздувает занавеску на окне.

Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова.

Анна Андреевна возвращается, еще больше гремя ключами, в свою комнату.

"Любезный друг и благодетель... и уведомить тебя". А... вот (читает письмо чуть не по складам, дабы подчеркнуть свою сравнительную малограмотность): "Спешу уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд. Я узнал это..."

Начинается церковный благовест, заглушающий начисто чтение Городничего. Все вздрагивают и сгущаются около Городничего. Девка приносит ему раскуренную трубку Жуковского табаку и уходит. Когда колокольный звон прекращается, Городничий поднимает палец вверх и говорит внушительно.*

Так вот какое обстоятельство. (Барабанит пальцами по столу.)

Все молчат. Земляника рыгает.

ТЕМНОТА

Сцена пуста. Девка пробегает по двору, отчаянно шлепая босыми ногами. Слева слышен голос Городничего, заглушаемый шумом отъезжающего тряского экипажа с колокольчиками: "Едем, едем, Петр Иванович... Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниаа наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет". В то же время справа слышится перебранка Городничихи с дочкой: "Ах, боже мой, боже мой... А все ты, а все за тобой. И пошла копать: "Я булавочку, я косыночку". Шум отъезжающей таратайки Городничего заглушает голоса.

Анна Андреевна (пробегает в какой-то необыкновенной "исторической" шали через сцену. Слева за сценой). Антон, куда ты? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Таратайка уезжает.

Городничий (за сценой, сквозь грохот колес). После, после, матушка.

Слышна лихая песня ямщика, окрики: "Эй, соколики" и проч.

Анна Андреевна *(за сценой)*. После? Вот новости, после... *(Орет.)* Я не хочу после... мне только одно слово: что он, полковник? А?

Справа входит, словно сорвавшись с модной картинки, Марья Антоновна. Ей навстречу входит Анна Андреевна.

Уехал... Я тебе вспомню это... А все эта: "Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас!" Вот тебе и сейчас...

Марья Антоновна смотрит в окно.

(Анна Андреевна говорит в "чеховских" тонах.) Вот тебе ничего и не узнали... А все проклятое кокетство...

Входит девка с лейкой и поливает цветы на подоконнике.

Услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится. *(Плачет с досады, потом сморкается в вышитый каким-то необыкновенным узором платок.)* А он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься...

Часы бьют девять. Погода хмурится.

Марья Антоновна *(не оборачиваясь, апатично, смотря в окно)*. Да что же делать, маменька? Все равно через два часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа!.. *(Долго грустно-иронически смеется.)* Покорнейше благодарю.

Девка уходит налево.

Вот одолжила ответом!.. Как ты не догадалась сказать, что через месяц лучше можно узнать! *(Встает из-за стола с тем же смехом.)* Эй Авдотья!.. *(Оборачивается, удивленная, что девки нет уже в комнате.)* А? *(Свешивается в другое окно, чем Марья Антоновна, и кричит.)* Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то? Не слышала? Глупая какая... Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. *(Громкий лай дворового пса, которого Анна Андреевна старается перекричать.)* Ступай, ступай сейчас... Слышишь, побегу расспроси, куда поехали... что за приезжий, каков он,-- слышишь? Посмотри в щелку и узнай все, и глаза какие, черные или нет, и сию ж" минуту возвращайся назад, слышишь? *(В один голос с Марьей Антоновной,-- голос, преисполненный тоски.)* Скорее, скорее, скорее, скорее!

На дворе начинает накрапывать дождик.

Занавес медленно-медленно опускается.

Чиновник особых поручений (*входя*). Следующая постановка в духе Макса Рейнгардта.

Несколько биографических сведений о режиссере-гастролере!

Сын небогатых родителей, он родился в небольшом местечке около Кенигсберга. Скучное питание, преимущественно картофелем, повлекло за собою развитие рахитизма. Несмотря, однако, на то, что одна нога у него короче другой, он с успехом занимался преподаванием ритмической гимнастики в школе, по системе Далькроза*. Нечего и говорить, что к постановке "Ревизора" он отнесся со свойственной немцам серьезностью. Текст Гоголя прежде всего подвергся литературной переработке Гуго фон Гофмансталь*, как это принято у Рейнгардта. Гуго фон Гофмансталь, однако, осторожно отнесся к своей задаче: переложив Гоголя в стихи, он тем не менее многие выражения его сохранил в полной неприкосновенности. Музыка же написал Гумпердинк. Вводя музыку, режиссер основывался на письме Белинского*, начинающемся словами: "Музыка, музыка, черт с тобой!" и т. д.

К постановке применены все излюбленные приемы великого новатора немецкой режиссуры. Цирковая планировка с лестницей, рассчитанная своей грандиозностью на театр пяти тысяч, появление действующих лиц из зрительного зала, перемещение места действия под открытое небо и т. д.

В основание же всей постановки положены следующие слова Гоголя из "Театрального разъезда"*:

"Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был -- смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете".

Режиссер решил успокоить тень великого писателя, выпустив наконец желаемое лицо на сцену в виде очаровательной девушки, в кругу неизменных подруг своих -- сатиры и юмора. Все босиком, опять-таки на основании слов самого Гоголя: "Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно унте примиренье в душу". (*Уходит.*)

Поднимается занавес.

III

ГРОТЕСКНАЯ ПОСТАНОВКА

В МАНЕРЕ МАКСА РЕЙНГАРДТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ. МУЗЫКА
ГУМПЕРДИНКА

Сцена изображает передний фасад дома в новом русском стиле, как его понимает Мюнхенский Сецессион. Посредине крыльцо, к которому ведут несколько*

ступеней, обитых "малороссийскими" плахтами. До поднятия занавеса устанавливается трап через оркестр, который до начала представления исполняет специально написанную увертюру на русскую тему.

При поднятии занавеса на сцене Смех, Сатира и Юмор, исполняющие символическую пляску в русском духе, как его понимает Гумпердинк. Затем на крыльце появляется Городничий, у ног которого усаживается Смех, а Сатира и Юмор становятся у рампы, на фоне боковых порталов, справа и слева.

Городничий

Пусть зовусь я сивый мерин,
Пусть всю ночь мне крысы снятся,
Если мой расчет не верен.
Ревизора мне ль бояться?
Мне ль, кто хитростью чертовской
Добыл тайну всех обличий!
Я Сквозник ведь Дмухановский!
Я недаром городничий!
Соберутся по указу
Моему сегодня ж днем
Все чиновники, и сразу
Выход дружный мы найдем.
Их шаги уж раздаются.
Эй, ко мне, друзья, вперед!
Пусть сердца в тревоге бьются,--
Сивый мерин вас спасет.

Раздаются звуки браваурного марша. Через зрительный зал идут в ногу, один за другим, отдавая честь по-военному, чиновники -- в треуголках и фантастических мундирах. Как только они выстроились на сцене перед Городничим, он обращается к ним с речью.

Я собрал вас, господа,
На серьезный разговор.
Едет к нам сейчас сюда
На почтовых ревизор.

Земляника

Ревизор?

Городничий

Инкогнито.
И с секретным предписанием.

Ляпкин-Тяпкин

Война с Турцией?

Городничий

Не то.

Лука Лукич

С Англией тогда?

Земляника

С Испаньей?

Аммос Федорович

Взятки зайцами, щенками
Не считаю я грехом...
Не хотите ль вместе с нами
Угоститься кобельком?

Городничий

Сам я еду на охоту,
Чтоб травить, подобно псу,
По гражданскому болоту
Ревизора, как лису.

Лука Лукич

Речь историка про Сашу
Македонского грозна;
Он ломает мебель нашу,
А страдает все казна.

Анна Андреевна

(входит с дочкой, опереточно одетые "по-украински")

Ревизор из Петрограда?
Он блондин, брюнет, с усами?
Отвечайте!

Мария Антоновна

Как я рада!

Городничий

Мы не знаем того сами.
После, после, не мешайте!

Анна Андреевна

После? Новости какие!
Вы немедля отвечайте!

Марая Антоновна

Уж сгораю от любви я.

Анна Андреевна

Успокойся, друг сердечный,
Не впадай в любовный раж!

Мария Антоновна

На пути моем, конечно,
Мама. Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна

Буду я сидеть на троне,
Как под сенью тихих струй,
В ленте красной и короне...
Лишь, Антоша, не воруй!

Мария Антоновна

Тысяч 35 курьеров!
Муж фельдмаршал, наконец!
Сколько хочешь кавалеров,
Если вхож он во дворец.

Анна Андреевна

Морем суп на пароходе
Будет нам возить француз.
Я, одевшись вся по моде,
Съем в семьсот рублей арбуз!

Городничий

Погодите вы, трещотки,
Вас ведь только посекут,
А меня в Сибирь, красотки,
Из-за вас же упекут.

Смех

Ха-ха-ха, ну, городничий!
Ха-ха-ха, ну, брат, постой!
Не спасет и тьма обличий,
Коль ты взяточник душой!

Пляска Смеха, Сатиры и Юмора вокруг сконфуженного Городничего.

Занавес

Чиновник особых поручений (*входя*). Следующая постановка принадлежит ученику Гордона Крэга, прославившегося у нас мистической и кубической постановкой "Гамлета"*

В первом "построении" вам был уже отчасти показан Миргород, объятый страхом. Но что такое Миргород? Позвольте вам напомнить следующие слова из "Развязки Ревизора": "Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?.. Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот -- наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя". В этом городе, по словам Гоголя, "бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники" и городничий -- "сам нечистый дух".

Мистериальную постановку "Ревизора" мог осуществить, разумеется, только рьяный последователь Гордона Крэга. Молодой лорд, -- бывший студент Оксфордского университета и знаменитый чемпион футбола, -- долгое время работал под руководством знаменитого Крэга и теперь специально приехал в Россию показать плоды своих творческих дум. Вы их сейчас увидите! -- Достаточно сказать, что действие разыгрывается в некоторой точке беспредельного междупланетного пространства. Самый метод, однако, инсценировки "Ревизора" мы решили сохранить в тайне, дабы новизна зрелища была разительней для публики. Одно позволю я себе сказать с уверенностью: бессмертная комедия "Ревизор" в этой постановке способна исторгнуть настоящие слезы.
(*Растроганный, уходит.*)

IV

МИСТЕРИАЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА

В СТИЛЕ ГОРДОНА КРЭГА

Сцена представляет собой беспредельное пространство, окруженное сукнами. На заднем плане тянутся ввысь символическая каланча и две огромные трубы, залитые мертвенным светом. На авансцене, у порталов, Свистунов и Держиморда в виде крылатых ангелов трубят в публику, потом в обратную сторону, затем в кулисы и наконец друг в друга. Вдали раздается печальная музыка органа, под которую медленно входит слева Городничий, или, как толкует Гоголь, "справедливее, сам нечистый дух", за ним Ляпкин-Тяпкин, Земляника и другие в образах "бесчинствующих страстей". Некоторые в масках, другие сплошь закутанные в черные плащи. Городничий становится посредине, все остальные -- наискосок. Пауза. Удар колокола.

Городничий (*мистически, напевно*). Я пригласил вас, господа... с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

Удар колокола.

К нам едет ревизор...

Все отшатываются в панике, испуская тяжелый вздох.

Аммос Федорович (*дрожа*). Как ревизор?
Артемий Филиппович (*так же*). Как ревизор?
Городничий. Ревизор из Петербурга инкогнито.

Удар колокола.

И еще с секретным предписанием.

Свистунов и Держиморда снова трубят,

Аммос Федорович (*тоскливо*). Вот те на...
Артемий Филиппович (*дрожащим, пресекающимся голосом*). Вот не было заботы, так подай...
Лука Лукич (*рыдая*). Господи боже... Еще и с секретным предписанием...
Городничий. Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы... черные, неестественной величины... Пришли, понюхали и пошли прочь.

За сценой мощный хор исполняет отрывок из "Реквиема".

Вот я вам прочту письмо, полученное от Андрея Ивановича Чмыхова.
(*Развертывает длинный свиток.*) "Приехал чиновник о предписанием осмотреть всю губернию, и особенно наш уезд..."

Все в панике передвигаются один за другим, скрываясь направо.

Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке".

Раздается за душу хватающая мелодия скрипки.

(Сам себе, задумчиво.) Так вот какое обстоятельство! (Стиснув голову, уходит направо, вслед за остальными.)

Скрипка все играет и играет. Слева входят Анна Андреевна и Мария Антоновна, в белых покаянных платьях: обе плачут, простирая в отчаянии руки в ту сторону, куда ушел Городничий.

Анна Андреевна. Где же, где же они? А, боже мой, муж!... Антоша!.. Антон... Куда?.. куда?.. Уехали...

Замирают в позе безысходной тоски. Нежные звуки скрипки заглушаются трубами Свистунова и Держиморды, после которых под мерные удары колокола и торжественные звуки органа вступает покаянный хор.

Занавес

Чиновник особых поручений *(входя).* Согласно пожеланию бывшего в Москве нынешним летом кинематографического съезда, чтобы лучшие произведения классической литературы были инсценированы для кинематографа,-- заключительное построение "Ревизора" будет представлено в чисто кинематографическом духе, в духе знаменитой фирмы "Патэ" *.

Подзаголовком "Ревизора" взято оригинальное, интригующее название: "Глупышкин в роли Городничего".

Режиссер, один из самых способных учеников знаменитого Макса Линдера, использовал все трюки, указанные в тексте "Ревизора": футляр от треуголки, принимаемый за шляпу, благодарную сцену с письмом, погоню Городничихи за Городничим,-- словом, все, что, по мнению этого режиссера, забавно в "Ревизоре", использовано им со всем совершенством кинематографической техники.

Получившаяся в результате сильно *комическая комедия* "Ревизор" имеет в длину 650 метров, сделана из самого лучшего материала и сопровождается изысканной музыкой современного репертуара.

V

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА

Музыка -- рояль со скрипкой -- играет "Гитанетту" *. Действующие лица сидят, скучившись, вокруг Городничего, который быстро вскакивает, вынимает из кармана конверт и машет им в воздухе. Все испуганно встают, садятся, меняют места и сильно жестикулируют. Городничий молниеносно достает из конверта письмо и делает вид, что его читает. В ту же секунду *письмо Чмыхова с его полной подписью появляется на экране*. Когда письмо исчезло, все действующие лица суетливо прощаются с Городничим и убегают налево. А Городничий, надев футляр от шляпы на голову, левую перчатку на правую руку и обратно, становится на

колени, быстро молится, встает и хочет в таком виде убежать налево, когда справа, в смешном дезабилье, появляются Городничиха с дочкой, кокетливая горничная и Держиморда, "отдающий честь". Городничиха ловит мужа за фалды, тот вырывается и убегает, за ним Городничиха, за Городничихой дочка, за дочкой горничная, за горничной Держиморда, не перестающий весьма комично "отдавать честь" то правой, то левой рукой. *Сцена погони!*.. Когда действующие лица пробегают через сцену во второй раз, Городничиха спотыкается, на нее падает дочка, на дочку горничная, на горничную Держиморда.

Занавес

(1911)

Комментарий

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

"А" -- журнал "Артист"
АТ -- Александрийский театр
"Б" -- журнал "Будильник"
"Бр" -- журнал "Бирюч"
"БВ" -- газета "Биржевые ведомости"
"БдЧ" -- журнал "Библиотека для чтения"
"БТИ" -- "Библиотека Театра и Искусства"
"ЕИТ" -- "Ежегодник Императорских театров"
"ЗС" -- "Забытый смех", сборник I и II, 1914--1916
"И" -- журнал "Искра"
"ИВ" -- "Исторический вестник"
"КЗ" -- А. А. Измайлов, "Кривое зеркало"
"ЛГ" -- "Литературная газета"
"ЛЕ" -- "Литературный Ералаш" -- отдел журнала "Современник"
МТ -- Малый театр
"МТж" -- журнал "Московский телеграф"
"НВ" -- газета "Новое время"
"ОЗ" -- журнал "Отечественные записки"
"ПИ" -- "Поэты "Искры", под редакцией И. Ямпольского, Л., 1955
"РП" -- журнал "Репертуар и Пантеон"
"РСП" -- "Русская стихотворная пародия", под ред. А. Морозова, М.-Л., 1960
"С" -- журнал "Современник"
"Ср" -- "Сатира 60-х годов", М.-Л., 1932
"Сат" -- журнал "Сатирикон"
"Т" -- журнал "Театр"
"ТиИ" -- журнал "Театр и Искусство"
"ТН" -- "Театральное наследие", М., 1956
ЦГАЛИ -- Центральный государственный архив литературы и искусства
"Э" -- "Эпиграмма и сатира", т. I, М.-Л., 1931

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

РЕВИЗОР

Режиссерская буффонада в 5-ти "построениях" одного отрывка

Впервые -- в кн.: Н. Н. Евреинов. Драматические сочинения, т. III (Пьесы из репертуара "Кривого зеркала"), Пг., "Academia", 1923, стр. 9. Николай Николаевич Евреинов (1879--1953) -- видный режиссер, драматург, историк театра и критик. Еще будучи учеником Училища правоведения (1892--1901), увлекается театром и в 1899 г. пишет первую пьесу -- "Сила чар". В 1905 г. в театре Литературно-художественного кружка Яворская поставила его пьесу "Фундамент счастья" и тогда же на сцене АТ была поставлена пьеса "Степик и Манюточка". В 1907/1908 г. (второй сезон в 1911/1912 г.) Евреинов создает "Старинный театр" -- эстетически-стилизаторского направления. С этой поры начинается его деятельность как режиссера (в 1908/1909 г. ставит спектакли в театре В. Ф. Комиссаржевской). В эту же пору начинается чрезвычайно активная работа Евреинова в области театральной теории. Теоретические взгляды выражены в ряде его книг ("Театр как таковой", Спб., б. г.; "Театр для себя", т. 1--3 издание Бутковской, П., 1911--1917, и др.). Одновременно он начинает выступать в качестве театрального пародиста и режиссера театров пародии. В 1909 г. вместе с Ф. Комиссаржевским Евреинов создает "Веселый театр для пожилых людей", а с 1910 г. поступает в театр Кугеля и Холмской "Кривое зеркало", где работает в качестве главного режиссера, композитора и драматурга в течение семи лет. За эти годы он поставил сто пьес, из них четырнадцать написаны им самим, в том числе семь пародий: "В кулисах души", "Ревизор", "Школа этуалей", "Кухня смеха", "Коломба сегодня", "Вечная танцовщица" и "Четвертая стена".

В 20-е годы Евреинов пишет пародию "Даешь Гамлета", которая была направлена против Сергея Эйзенштейна, Всеволода Мейерхольда и других деятелей "левого" театра тех лет. С 1925 г. Евреинов живет за границей. В эмиграции он возвращается к театру пародии. В 1928 г. он вместе с Балиевым поставил оперетту-буфф "Les amours de Jeane Pierre" в кривозеркальных традициях. С 1929 г. в Италии идет его пьеса "В кулисах души". Осенью 1937 г. Евреинов вновь создает театр "Летучая мышь". В 1938 г. в Русском театре Парижа Евреинов ставит спектакль "Козьма Прутков", инсценировав его произведение. В 1948 г. ставит с русской труппой два цикла спектаклей "Кривого зеркала" ("Конец вначале", "Школа этуалей", "Черепослов", "Весела смерть" и др.). В 1950 г. он ставит пародию на русскую эмиграцию "Граждане второго сорта" (см.: А. Кашина-Евреинова. Н. Н. Евреинов в мировом театре, Париж, 1964, стр. 87--88).

В центре пьесы Евреинова "Ревизор" -- пародирование различных направлений режиссуры, от Станиславского до Крэга и Рейнгардта. На пародии явственно сказалось влияние театральных принципов А. Р. Кугеля с его стремлением к бережному отношению к классическому наследию. Спор, который вел Кугель с МХТ и Мейерхольдом против идей режиссерского театра, был продолжен средствами пародийного театра. Сам Евреинов в предисловии к названному изданию указывает: "В заключение приношу сердечную благодарность Александру Рафаиловичу Кугелю за его редакцию "В кулисах души" и моего "Ревизора", равно как и за сотрудничество (местами) в тексте вводного "персонажа" последней пьесы -- "чиновника особых поручений при дирекции "Кривого зеркала". Там же сообщается, что "третье построение "Ревизора" написано в стихах Сергеем Ивановичем Антимоновым". Премьера "Ревизора" состоялась в "Кривом зеркале"

11 декабря 1911 г. Декорации М. П. Бобышева. После постановки "Ревизора" у Мейерхольда Кугель сделал некоторые дополнения к режиссерской буффонаде Евреинова, направленные против этого спектакля.

Не оборачиваясь спиной к публике -- намек на один из сценических приемов МХТ. Без *"пауз настроения"* -- термин "настроение" характерен для театральной теории Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского. В одном из интервью Немирович говорил: "Прежде чем начать репетиции, мы читаем пьесу, набираемся, так сказать, Настроения..." ("Россия", 1899, № 238). *Кричит до тех пор, пока не опускается занавес и не закрывает их обеих, стоящих у окна* -- точная ремарка Гоголя, далее идет пародийный текст. *Величайшая тщательность сопровождает обстановку* -- намек на один из важнейших принципов постановок раннего МХТ. Н. Эфрос так сформулировал его: "Сценическая обстановка только и нужна... лишь поскольку она позволяет актеру -- человеку выразить себя, а зрителю его почувствовать. Обстановка должна создать нужную атмосферу... настроение" (Н. Е. Эфрос, Московский Художественный театр, М.--Пг., ГИХЛ, 1924, стр. 158). *Жуковского табаку* -- табак фабриканта 30-х годов XIX в. Жукова. *По системе Далькроза* -- одна из систем художественной гимнастики и ритмического воспитания в начале XX века. *Подвергся... переработке Гуго фон Гофманстале* -- намек на символически-мистические режиссерские переработки классики в духе пьес и мистерий немецкого символиста Гофманстале. *Основывался... на письме Белинского* -- иронически выдуманная цитата. *Слова Гоголя из "Театрального разезда"* -- цитата из пьесы Гоголя "Театральный разезд после представления новой комедии" (1836). *Мюнхенский Сецессион* -- объединение немецких художников, основанное в 1892 г. Ф. Штуком, и просуществовавшее до 1910-х годов. Группы "Сецессион" (от лат. *Sezessio* -- отделение, отпадение) в Австрии и Германии противостояли официальному академическому искусству, были сторонниками импрессионизма. "Мюнхенский Сецессион" включил в круг своих интересов не только живопись, но и театр: Эрнст фон Вольцоген, бродячая труппа Мартина Викеля. Декоративно-оформительское искусство "Сецессиона" отличалось претенциозно-изысканными построениями, неуловимо текучими образами, использованием многих оттенков (см.: G. Fuchs, *Die Sezession in der dramatischen Kunst*, München, 1911). *Постановкой "Гамлета"* -- Гордон Крэг поставил "Гамлета" на сцене МХТ в 1911 г. с В. Качаловым в главной роли и декорациями самого Крэга (отсюда "кубической постановкой"). Мистическая победа духовного над материальным, царство чистой духовности -- вот смысл, вложенный Крэгом в постановку (см.: Н. Чушкиц, *Гамлет -- Качалов*, М., "Искусство", 1966, стр. 25--27). *"Патэ"* -- одна из первых кинематографических фирм. *Гитанетта* -- цыганочка (танец).